

Е Мянью шмыгнул носом.

— Давай сразу договоримся: сегодня вечером я продаю свое искусство, а не тело.

— Какая жаль, — вполне серьезно вздохнул Чжуан Сюй.

— ...Ничуть не жаль, — рассмеялся Е Мянью. — Я умею петь, рассказывать истории и травить анекдоты. А если вам и этого покажется мало, могу даже показать фокус с разбиванием камня на груди.

Чжуан Сюй нахмурился:

— Ты и камни на груди разбивать умеешь?

Е Мянью кивнул:

— Ага. Только расколуюсь я на кусочки вместе с этим камнем, так что советую хорошенько подумать, прежде чем выбирать.

Чжуан Сюй усмехнулся и покачал головой.

— Ах да, точно! — Е Мянью позвал в открытое окно: — Инун!

Инун поспешно прибежала на зов.

— Сходи поскорее в боковую комнату и принеси Ван Сиси.

Инун послушно ушла и вскоре вернулась, держа на руках Цзиньли в короткой красной шелковой жилетке. Увидев Е Мянью, зверёк не на шутку взволновался и принялся вырываться из рук служанки, пытаясь перепрыгнуть на хозяина.

Поскольку этот маленький проказник уже совсем привык к дому, во Дворе Баофэн его давно перестали держать на привязи. Е Мянью протянул руки, взял зверька, ласково потерся о его мордочку, а затем придвинулся ближе к Чжуан Сюю и стал учить питомца:

— Сиси, знакомься, это наш старший брат.

Чжуан Сюй нахмурился:

— Что за глупости ты несешь?

Е Мянью не обратил на его ворчание внимания и продолжил уговаривать Ван Сиси:

— Ну же, назови его братом! Почему молчишь? Мне что, тебя учить надо?

Ван Сиси лишь издал в ответ несколько писков.

— Нет, не так. Слушай внимательно, я покажу только один раз.

Ван Сиси:

— Пи-пи!

Е Мянью откашлялся.

— Братец, я виноват~ — Е Мянъ прижимал к себе Ван Сиси и не смотрел на Чжуан Сюя, но его глаза лукаво сузились от улыбки. — Виноват кругом, во всем моя вина. Братец, прости меня на этот раз, а?

В глазах Чжуан Сюя на мгновение отразилось изумление, а затем на его лице медленно расплылась теплая улыбка.

Пользуясь моментом, Е Мянъ всунул Ван Сиси ему в руки и жалобно протянул:

— Ну так что, договорились?

Чжуан Сюй хмыкнул: «Ты хочешь отделаться от меня этим маленьким зверьком?»

Чжуан Сюй фыркнул:

— И ты надеешься отделаться от меня с помощью этого мелкого зверька?

Е Мянъ досадливо цокнул языком:

— Какого еще зверька? Это наш младший брат. Мы ведь одна семья!

Слова об «одной семье» пришлись Чжуан Сюю по душе, и он, слегка улыбнувшись, посмотрел на Е Мяня, но вскоре его лицо вновь помрачнело, и он недовольно проворчал:

— Надо же, ради Вэй Анъюаня ты готов переступить через себя и заискивать передо мной.

Е Мянъ со вздохом ответил:

— Но он ведь мой близкий друг, к тому же разозлил тебя из-за меня. Если это дело не уладить миром, я только и буду делать, что беспокоиться о нем.

— И не смей о нем думать! — сердито бросил Чжуан Сюй.

Е Мянъ молча посмотрел на него.

Помолчав немного, Чжуан Сюй холодно хмыкнул:

— Я запомню эту выходку. Если он еще хоть раз посмеет дерзить, ответит за всё разом!

Глаза Е Мяня радостно засияли, и он принялся наперебой заверять:

— Больше не посмеет! Ни в жизнь не посмеет!

— Завтра я приглашен на встречу с левым премьер-министром, — холодно произнес Чжуан Сюй. — То, что я не стану его трогать, вовсе не означает, что в Резиденции премьер-министра могут просто отделаться парой ударов палками для вида и замять дело.

Е Мянъ поспешно закивал. Раз уж сам Чжуан Сюй не станет вмешиваться, то как бы сурово ни наказали провинившегося в Резиденции премьер-министра, там все равно будут знать меру.

Заметив, что Е Мянъ немного расслабился, Чжуан Сюй махнул рукой в сторону окна, и стоявший поодаль слуга тут же подбежал, почтительно склонившись в ожидании указаний.

— Принеси то, о чем я говорил, — негромко приказал Чжуан Сюй.

Слуга послушно удалился, и вскоре двое слуг внесли сундук, опустив его на низкий столик у окна.

— Что это? — с любопытством спросил Е Мянью.

— Подарок к твоему дню рождения.

Е Мянью опешил:

— Надо же, ты помнишь об этом.

Чжуан Сюй ничего не ответил, лишь слегка повел подбородком, указывая слуге на сундук. Тот поспешно шагнул вперед и откинул крышку.

Е Мянью ослепило яркое золотое сияние — он чуть не ослеп от этого блеска.

Весь сундук до краев был заполнен разнообразными золотыми безделушками и фигурками: кошечки, собачки, цилиндры, писю и всевозможные мифические твари древности — здесь было абсолютно всё.

В свете свечей со дна сундука лилось ослепительное желтое сияние.

Е Мянью замер с разинутым ртом и лишь спустя долгое время обрел дар речи:

— Что это за подарок? Неужели я кажусь тебе настолько падким на вульгарную роскошь?

Однако Чжуан Сюй возразил:

— Я и сам считаю золото пошлостью. Но ведь оно тебе нравится? А раз нравится, какая разница, изысканно это или вульгарно?

Е Мянью изумился:

— И кто тебе сказал, что я люблю золото?

Чжуан Сюй нахмурился:

— В прошлый Праздник Дуанью ты увидел у Лу Личжэна связку золотых цзунцзы и выпросил у Е Цзина точно такую же. Зачем просил, если не любишь золото?

Е Мянью поклатился со смеху:

— Да я просто хотел стрясти что-нибудь со старшего брата! Эту связку золотых цзунцзы я уже давно обменивал на серебро.

Чжуан Сюй опешил, а затем с раздражением пробормотал:

— Мои соглядатаи об этом не докладывали.

Е Мянью расхохотался во весь голос, схватившись за живот.

Чжуан Сюй молча стоял на месте, и весь его вид выражал крайнее недовольство.

Не желая злить этого господина в такой день, Е Мянью поспешно сдержал смех и подошел поближе, чтобы успокоить его:

— Но надо признать, в этом сундуке есть несколько действительно изящных вещей. Я выберу парочку и расставлю на полках витрины-добаогэ, будет смотреться очень красиво!

Чжуан Сюй покачал головой:

— Оставь всё себе. Что понравится — выставишь на показ, остальное обменяешь на серебро. Послезавтра твой день рождения, завтра я подготовлю для тебя другой подарок.

Е Мянъ замахал руками:

— Не нужно, не стоит так утруждаться. Я и сам не особо праздную день рождения, главное — твое внимание. Я выберу две штучки и сохраню память о твоей доброте.

С этими словами Е Мянъ действительно принялся с увлечением перебирать содержимое сундука, заметив с улыбкой:

— Надо же было умудриться собрать целый сундук фигурок, и ни одна не повторяется.

Чжуан Сюй лишь повторил:

— Послезавтра, в день твоего рождения, я снова приду и принесу подарок.

Но Е Мянъ покачал головой:

— Боюсь, не выйдет. Послезавтра моя вторая сестра выходит замуж и уезжает в Яньци. Старший брат сейчас в Мичжоу и не успеет вернуться к сроку, поэтому провожать невесту придется мне.

Немного подумав, Чжуан Сюй ответил:

— Ничего страшного. Я поеду провожать невесту вместе с тобой.

Е Мянъ промолчал. «Ну, спасибо тебе от лица моей второй сестры и Пятой наложницы. С таким сопровождением ее свадьба станет уж слишком почетной».

Вторая сестра Е Мянъ, Е Янь, была дочерью Пятой наложницы. Благодаря своему кроткому и послушному нраву она всегда пользовалась благосклонностью госпожи Цю. Та подошла к выбору жениха для нее со всей серьезностью. Расспросив Пятую наложницу о ее пожеланиях и тщательно взвесив все варианты, госпожа Цю в итоге сосватала девушку за старшего законного сына чиновника пятого ранга из Яньци, пригорода столицы.

Пусть по сравнению с Резиденцией заместителя министра финансов этот брак и считался неравным, зато Е Янь сразу входила в новую семью в качестве старшей невестки и хозяйки дома.

Пятая наложница и Е Янь всю жизнь чувствовали себя ущемленными из-за своего положения наложницы и незаконнорожденной дочери, а потому придавали происхождению огромное значение. Когда госпожа Цю предложила эту кандидатуру, Пятая наложница лишь осторожно разузнала о характере будущего зятя. Услышав от госпожи Цю заверения в том, что юноша весьма достойный, она решила, что лучшей партии им не найти.

Старшая невестка в главном доме... Пятая наложница и мечтать о таком не смела, а теперь ее дочь в свадебном головном уборе с фениксом и расшитом халате внесут через парадные ворота!

В день рождения Е Мяня, совпавший с днем свадьбы его второй сестры, Чжуан Сюй действительно с самого утра прибыл в Резиденцию заместителя министра.

И заместителю министра Е, и госпоже Цю мысль о том, что князь Жуннань лично отправится провожать невесту, казалась довольно странной, но отказать они не могли.

Заместитель министра Е напутствовал сына:

— Веди себя осмотрительно и ни в коем случае не выказывай пренебрежения к князю.

Е Мянь поспешно закивал в знак согласия.

Перед тем как свадебный паланкин тронулся в путь, заместитель министра Е улучил минуту, пока Чжуан Сюя не было рядом, подозвал Е Мяня к себе и тихо спросил:

— Князь действительно твердо намерен ехать с вами?

Е Мянь почесал затылок и кивнул:

— Да, отец...

Заместитель министра Е пристально посмотрел на него:

— Скажи мне правду: с какой стати ему ехать с тобой провожать невесту?

Спина Е Мяня мгновенно покрылась холодным потом, но лицо его осталось невозмутимым:

— Князь говорит, что никогда не бывал в Яньци, вот и решил заодно съездить полюбоваться местными пейзажами.

Тем временем у ворот свадебная сваха уже торопила процессию. Заместитель министра Е еще раз оглядел сына с ног до головы и наконец произнес:

— Ступай. Возвращайтесь поскорее и не смей нарываться на неприятности.

— Да, отец.

Е Мянь ответил, развернулся и с одеревеневшей спиной пошел прочь.

Клан Лу, который госпожа Цю выбрала для Е Янь, хоть и представлял собой семью всего лишь местного помощника начальника округа пятого ранга, все же считался влиятельным в тех краях. Статный и пригожий жених, сияющий от гордости, восседал на высоком коне. Под грохот барабанов и свист дудок свадебная процессия прибыла к воротам Резиденции заместителя министра, однако новоиспеченный супруг почему-то не спешил спешиваться.

Дело в том, что жених, Лу Синцзянь, в прошлом году как раз получил скромную должность судебного секретаря в Яньци от Судебного приказа Далисы. Его непосредственный начальник, уезжая в столицу с ежегодным отчетом, всякий раз за две ночи до этого не мог сомкнуть глаз от страха. Он безумно боялся допустить малейшую оплошность и навлечь на себя гнев Нефритового Яньло, который при всех отчитал бы его и лишил лица. Поэтому начальник не раз шептал Лу Синцзяню на ушко о том, насколько «лют и свиреп» его будущий шурин.

Оказавшись у дверей Поместья Е под улюлюканье толпы, преградившей дорогу, Лу Синцзянь не решился прорываться силой вместе со своими друзьями. Вместо этого он принялся щедро

разбрасывать приготовленные красные конверты с деньгами, буквально прокладывая себе путь серебром, и только тогда осмелился переступить порог.

<http://bllate.org/book/18289/1753896>